

Собеседник - 2001 - №10 - 9/13

ТОТО КУТУНЬО: «ОЧИ ЧЕРНЫЕ, ОЧИ СТРАЗНЫЕ, ОЧИ ЧГУЧЧИЕ И ПРЕКРАЗНЫЕ»

Он изменился очень мало — гораздо меньше, чем мы. За кулисы к нему ломанулись главным образом дочери тех, кто впервые забалдел от него пятнадцать—двадцать лет назад. Те, впрочем, тоже заходили, но уже неспешно, вразвалку. Они теперь новые русские, ходят солидно и так же солидно благодарят. Но за право сфотографироваться с ним все равно стояли в очереди. А что, вспомнить начало восьмидесятых — так уж по полной программе.

ДМИТРИЙ БЫКОВ, МАКСИМ БУРЛАК (фото)

...Помню, как сидели в хужо-дожде в гостях у ефрейтора Ежова, обитавшего там на правах художника (водителя с выезда, из города, привезли торт), и сержант Бакута, терзая ртомную гитару, выводил неаполитанским тенором с сильным донецким акцентом: — Со-о-оли, насыпьте мне на жопу соли! Слушая единственный сольный концерт Кутуньо в России, в Ростове (в Кремле он выступал в итальянской музыкальной сбор-

В каждом городе я оставляю не подругу, а «мамму»!

Мои песни нравились дочери Горбачева

— Вы замечаете какие-то перемены в аудитории? — Естественно. Очень сильные. Я в России не был пятнадцать лет. Был за это время в бывших республиках — на Украине, в Белоруссии. Публика лучше одета, ярче выглядит, более непосредственно реагирует... и при этом она стала гораздо холоднее. Внутренне холоднее. В ней нет того романтизма — судить могу, разумеется, только по глазам, но это и есть главный показатель. Правда, я впервые попал к вам в очень хорошее для страны время. 1985 год, большие надежды. И мне сказали, что мои песни нравятся дочери Горбачева, что она присутствует на концертах... Думаю, это было мое самое высокое достижение на государственном, что ли, уровне. И еще я замечаю, что, осваивая западный стандарт, в каком-то смысле американизируясь, приобщаясь к демократии, — Россия все-таки отчасти утратила то, за что мы все ее любили. Непосредственность, уникальность... не знаю. Это все, впрочем, итальянская проблема, и я привычно распространяю ее на всю Европу. Но ведь русские и итальянцы — самые близкие в Европе нации. Я совершенно убежден, что, если бы не языковой барьер, южнорусский житель никогда бы не заподозрил в итальянце представителя другой цивилизации...

— А вы как-то следили за нашей эволюцией? За тем, что тут делалось? — Как не следить, я ведь в каждом городе, где гастролировал, оставляю нескольких близких людей — близких, несмотря на всю мимолетность общения. У меня есть песня, посвященная матери — она была родом из Тосканы и при росте мёрт семьдесят пять весила сто десять килограммов, — классическая роскошная итальянка, «мамма» в истинном смысле слова. Когда я пою эту вещь, мне нравится вызывать из заза на сцену женщину схожей телесной мощи, схожих габаритов — и обращаться к ней. В русских залах, кстати, стало меньше таких триумфальных красавиц в возрасте, хулеют все, это эпидемия какая-то — портить фигуры... В каждом городе, где я пел, остается такая «мамма». Игнорировать Россию после этого уже не получается.

— Есть некий вопрос, который страшно задавать — вы так часто хвалили русских журналистов за то, что они не копаются в грязном белье... — У меня, кажется, довольно чистое белье. Давайте попробуем.

Русских подруг, увы, не было

— Правда ли, что у вас была русская подруга? — Нет. (И задумывается.) — Вы пытаетесь припомнить? — Нет, я думаю, добавив ли «увы». Добавив — я могу обидеть женщину, с которой счастлив много лет. Не добавив — погрешу против истины и обижу вас. Да, все-таки увы. Русская женщина — это... это трудно. Как русский характер вообще. Он являет собою редкую, довольно взрывную смесь темперамента и меланхолии, так что периодически и в вашей истории, и в ваших семьях случаются своего рода вспышки тоски. С обильными разрушениями. Но в постоянстве русских женщин, их

поэтичность, их сострадательность... их волосы — блондинки все-таки сильно на меня действуют... Я думаю, долго жить в таком напряжении чувств было бы мне трудно, я предпочел бы роман мимолетный, — но для мимолетных романов русские женщины не созданы совершенно. — Интересно, а первую свою любовь вы не забыли? — Не считая всяких детских глупостей, первая серьезная история была в шестнадцать лет, с одноклассницей. — Счастливая история? — В смысле взаимности — да, я по отцу сицилиец, мы ребята упорные. — Каков, на ваш вкус, лучший способ завоевать женщину? — Однозначно — путешествие. Совместные действия всегда сплачивают, всякое путешествие — немного авантюра. Предложите ей просто поехать с вами куда-то, без всяких взаимных обязательств; лучше, конечно, в места, которые вам хорошо знакомы, но она об этом не знает. Идеальный вариант — Венеция. Нет, нет, есть лучше — Неаполь! В Венеции все-таки грустно, там хорошо бродить одному, сочинять. Там есть сочетание красоты и упадка, из которого получается самое лучшее искусство.

— Хорошо вам говорить, живя в Милане... — Ну, пригласите ее в Одессу. Я там был недавно, вылитый Неаполь. Правда, они жалуются, что море грязное, — так и в Неаполе не чище. — Кого женщины любят больше: счастливых, на которых можно полагаться, или неудачников, которых можно жалеть? — Это ложное противопоставление. Вы поживете еще немного и убедитесь в этом сами. Одно из преимуществ возраста — что я уже не обольщаюсь такими вещами, как успешная карьера. Счастливец, то есть состоявшийся, реализованный человек, — всего себя обязан вложить во что-то одно, пожертвовав при этом очень многим. Собственно, вся разница между счастьем и несчастьем — это вопрос добровольности жертвы. Либо у вас что-то отнимают — и тогда вы несчастлив; либо вы отрекаетесь добровольно — и тогда это реализация, творчество, риск... Женщины любят сильных мужчин, которых можно пожалеть. Потому что сильный всегда достоин жалости.

— Иногда я слышу мнение о том, что все разговоры о любви — результат своего рода «черного пиара». Неужели она действительно занимает такое место в жизни, в том числе вашей? Неужели петь можно только о ней? — Я пою далеко не только о ней, но всегда как бы в ее присутствии. У меня есть песня «Серенада», с которой я часто начинаю концерты, и мужчина — какую бы маску он ни надевал, как бы ни притворился, что это не так — поет все-таки всегда перед женщиной. Перед ним, в вышине, — большое светящееся окно, fenestra. Он хочет, чтобы вышла она, и она выходит... как луна.

— Холодная и круглая. — Нет, просто недоступная. Разница в том, что она светится собственным светом. А так, конечно, женщина — это лунное начало. Вы стоите перед ней, всегда внизу, под балконом. Всегда маленький, одновременно напыщенный и умоляющий, немного смешной, с ее точки зрения. И все равно у вас нет лучшей награды, чем женская любовь.

— А как вы относитесь к феминизму, к борьбе за женское равноправие? — Зачем им бороться за равные права, когда у них и так гораздо больше прав? Мне это кажется игрой на понижение. Главные в семье — почти всегда женщины, и чем они умнее, тем лучше скрывают это, даже от мужей. Женщинам лучше удается домашнее хозяйство, они и в бизнесе трезвее и дальновиднее... Идеален был бы, конечно, вариант, при котором мужчина себе творит, а она его содержит, решает вопросы жизнеобеспечения... но это не скоро будет, я думаю.

Мода — это рэп, а я по-английски не пою

— Ощущение такое, что время вас совершенно не коснулось. Возраст вообще влияет на вас? — Возраст начинаешь чувствовать после пятидесяти. Стоп, я вам этого не говорил. Хотя какой смысл скрывать? Мне пятьдесят восьмой год. Становишься привередливее, эгоцентричнее, брызливее. Больше времени проводишь один. Мнительность. Но музыка все-таки очень продлевает молодость, она и физиологически как-то полезна. Недаром больше всего долгожителей среди дирижеров. Самое горькое, самое гнетущее в жизни — это именно время, прохождение времени. Но песня — остановленный момент, человечество не знает лучшего способа его законсервировать.

— Сама же моя музыка, пожалуй, не меняется. Я, конечно, больше экспериментирую сейчас с аранжировками, но мои песни разных лет — это одна и та же женщина, только в разных костюмах. Я сейчас дам вам самое точное определение того, что делаю. Я пишу музыку к ролику вашей жизни.

— И поэтому почти не работаете в кино. — Да, потому что мое кино — вот оно, все время крутится. Под мою музыку проходят ваши свидания, рождаются ваши дети, вы под нее идете на работу или в парк гулять... Я ничего не имею против рока. Но жить под рок? — Вам не кажется странным, что вас стали снова приглашать сюда в последние два-три года, что так сильна ностальгия по традиционной итальянской песне? — Это у вас в России, может быть, ностальгия, а у нас эта мода не проходила никогда. Хотя мода — не то слово, мода — нечто временное, как рэп. Традиционной итальянской песней, душевной и романтической, занимается сравнительно небольшой процент тесно общающихся людей. Я могу петь по-французски — то, что я писал для Дассена, не имеет смысла петь на других языках, — но по-английски не пою.

— Чем вы объясняете такое бурное развитие искусства — и музыки, и кинематографа, и литературы — в послевоенной, практически нищей и очень нестабильной Италии? — Из духа противоречия, наверное. Он очень присущ русским и итальянцам: вот как живем — и вот как поем! Если же серьезно, тут глубокая причина. Италия после большого национального упадка перестала опираться на чужие ценности и моды и нашла свои. Стала петь, снимать и писать про свою жизнь, опираться на свой народ, свою традицию — в основном романтическую... Возможно, временный упадок этого и способствовал. Я говорил уже,

что великое искусство создается контрастом красоты и разрушения, красоты и распада. Вот почему одним из символов Италии стала прекрасная падающая башня. В России, я слышал, тоже есть падающая башня... — С прошлого года даже их две.

Дома веду телешоу, а потом делаю, что хочу

— И Италию, и Россию часто называют страной всеобщей преступности... — Такие преувеличения бывают, в них ничего страшного нет. Я думаю, Россия и Италия пережили сходный период становления, многое им было в новинку. Преступлением — причем социальным, вроде коррупции — стало казаться то, что во всем мире давно уже в избытке.

— Но если к вам подойдет преступник и захочет с вами сфотографироваться? — Если преступник любит мои песни — значит, он не потерял для добродетели.

— Вы помните свою первую песню? — Я начал играть на трубе, отец меня выучил, — мне было лет восемь, и я тогда еще не сочинял. Конечно, труба — посредственный. Вот в группе у меня труба — это да, он окончил миланскую консерваторию. Первые мелодии появились, когда я в десять лет выучился играть на аккордеоне — и сейчас считаю, что это превосходный инструмент с огромным диапазоном, наше сельское фортепиано. Первую удачную песню я написал году в семидесят четвертом, хотя мелодию набросал еще лет в девятнадцать, просто намурлыкал на ходу, как и многие потом. Получилось «Индийское лето». С него началась моя работа с Дассеном — лучшим из всех, для кого я писал... Ну, еще Челентано, конечно. Он совершенный итальянец. Воплощение нашей импульсивности, брутальности, нежности, доверчивости, хитрости...

— У вас нет комплексов перед тем же Дассеном или Челентано? Все-таки вы поете песни, которые стали известны в их исполнении... — Никаких комплексов, потому что я не певец. Я поющий композитор с более чем скромными вокальными данными и некоторой способностью завести зал — если зал доброжелателен. Это и не вокал — так, разговор в приятной компании.

— Для молодых исполнителей вы пишете? — Если мне предлагают написать несколько вещей для начинающего исполнителя — я, как правило, не отказываюсь, если он мне чем-то симпатичен. Мои песни имеют счастливое свойство побеждать на фестивалях, последний удачный проект — совсем молодой Луис Мигель. Я начал с ним сотрудничать, когда ему было пятнадцать. Сейчас он — звезда. Но вообще я в последнее время сочиняю без установки на шлягер — пишу по настроению. У меня есть такая возможность благодаря работе на телевидении, которая меня обеспечивает и позволяет в остальное время не напрягаться.

— Что за работа? — Десять лет я вел воскресную программу о путешествиях, сейчас веду телеигру. Люди в Италии любят телеигры.

— У нас тоже. Почему, интересно? — Да потому, что в них все

ласкает глаз. Чужой выигрыш приятен, потому что это напоминание и о твоём шансе; чужой проигрыш приятен сам по себе. Ну вот, я веду это телешоу, а в остальное время могу делать, что хочу. Единственное неудобство — это контракт, которым я связан и из-за которого не могу покидать Италию больше чем на неделю. График есть график.

— Вы делаете, что хотите, — а чего хотите? — Люблю морские прогулки — хотя, впрочем, и пешие. Меня радует все морское, в том числе и еда — рыба, мидии. Люблю возиться с сыном, его зовут Нико, одиннадцатый лет. Учится играть на фортепиано, но будет ли толк — сказать пока не могу. Вообще неленю делать из ребенка второго себя... Иногда я мечтаю о жизни в маленьком городе. Городишко у моря, священник, судья, все друг друга знают... Рыбаки, маленькие кафе, крикливые дети, крикливые чайки.

— Почему вы не переедете в Америку? — Потому что там другая жизнь. Там другая культура. Там другая экономика. Там другая политика. Там другая философия. Там другая религия. Там другая история. Там другая география. Там другая климатология. Там другая метеорология. Там другая биология. Там другая медицина. Там другая психология. Там другая социология. Там другая антропология. Там другая лингвистика. Там другая филология. Там другая историография. Там другая этнография. Там другая археология. Там другая палеонтология. Там другая геология. Там другая география. Там другая картография. Там другая топография. Там другая гидрография. Там другая метеорография. Там другая астрография. Там другая космография. Там другая хронология. Там другая хронометрия. Там другая хронометрия. Там другая хронометрия.

— Почему вы не переедете в Америку? — Потому что там другая жизнь. Там другая культура. Там другая экономика. Там другая политика. Там другая философия. Там другая религия. Там другая история. Там другая география. Там другая климатология. Там другая метеорология. Там другая биология. Там другая медицина. Там другая психология. Там другая социология. Там другая антропология. Там другая лингвистика. Там другая филология. Там другая историография. Там другая этнография. Там другая археология. Там другая палеонтология. Там другая геология. Там другая география. Там другая картография. Там другая топография. Там другая гидрография. Там другая метеорография. Там другая астрография. Там другая космография. Там другая хронология. Там другая хронометрия. Там другая хронометрия.

Зачем «о'кей», когда есть «харрашо»?

— Что вас больше всего раздражает в Италии? — Я вообще человек раздражительный, это мой главный недостаток. Раздражает меня унификация и коммерциализация культуры. Одна из главных трагедий Италии — отъезд огромного количества энергичных и активных людей: особенно часто они уезжали в шестидесятые—семидесятые, но едут и сейчас. По большей части в Америку. Но, насколько я знаю, это и русская проблема... Моему самолюбию

стесняет, что итальянцы за границей охотно пьют моего «Итальянца». Это для них образ родины. Русские, по-моему, таким символом считают «Подмосковные вечера» — я ее наизусть знаю.

— А еще что знаете? — «Очи черные, очи стразные, очи чгуччие и прекрасные». Еще я знаю по-русски «спасибо», «держи», «харрашо»... Недавно на концерте спрашиваю одну девочку через переводчика: как дела в школе? Она говорит: о'кей. Зачем «о'кей», когда есть «харрашо»? Знаю еще «потом»: применяю, когда цветы дарят прямо среди концерта.

— Вопрос напоследок: его просила задать моя жена, настоящая ваша фанатка во времена оторочества. — Так вот, я понимаю, что обстановка для романтической песни в тогдашнем Советском Союзе была идеальной. Думаю, я знал, кто я для этих девочек — ничем другим их прием объяснить было нельзя. Я выступал и в «Олимпиаде» — это один из моих любимых залов, — и во всей Италии, и по всей Европе. И тем не менее ничего подобного российскому зрителю не видел нигде. Знаете, тот культурный шок от первой встречи с Европой оказался благотворен для тогдашних детей. Во всяком случае, когда вижу глаза тех людей, которые пришли на мой концерт сегодня, понимаю, что это хорошие люди. Они пережили не самое легкое время. Но в душе у них еще есть способность переживать восторг, путешествовать в прошлое, любить... Если я сыграл в этом хоть какую-то роль — значит, мои сочинения действительно имеют отношение к искусству.

— Ну ладно. Спасибо вам. Простите, что утомил. — Всегда не утомили, я не устаю от концертов. Я питаюсь энергетикой зала, насыщаясь его любовью. Если бы вы выдержали еще три часа песен, за мной бы дело не стало.

...А теперь надо сказать спасибо всем, благодаря кому это интервью стало возможным. Это в первую очередь компания «Донской табак», которая организовала ростовский концерт Кутуньо. Журналист, директор радиостанции «Эхо Ростова» Александр Кулинский и главный редактор «Эха» Виктор Сергионов, благодаря которым на концерт попали мы. И журналистка телекомпании ДонТР Люся Бородина, которая в общем и не организовывала ничего, а просто посетовала на Кутуньо своими очень большими глазами из-за стеклянной двери — и он сказал через своего импресарио Гаидо, чтобы охрана нас к нему пропустила. Спасибо и Гаидо.

Нелено делать из детей второго себя

Похвальный выбор. — Понимали ли вы, кем были для этих несчастных пятнадцатилетних девочек, которые ничего, кроме отвратительной школы, серых домов и вечно раздраженных родителей, в своей жизни не видели? Понимали ли вы, что такое были ваши песни в тогдашней России? — Да, вероятно, львиной долей успеха моих песен здесь я обязан тому фону, на котором появился, — ведь сюда проникало не так много европейских исполнителей, европейских песен... Впрочем, и от потока истинной, беспримесной пошлости вы тоже были таким образом защищены.

— Ничего, у нас была своя. — Так вот, я понимаю, что обстановка для романтической песни в тогдашнем Советском Союзе была идеальной. Думаю, я знал, кто я для этих девочек — ничем другим их прием объяснить было нельзя. Я выступал и в «Олимпиаде» — это один из моих любимых залов, — и во всей Италии, и по всей Европе. И тем не менее ничего подобного российскому зрителю не видел нигде. Знаете, тот культурный шок от первой встречи с Европой оказался благотворен для тогдашних детей. Во всяком случае, когда вижу глаза тех людей, которые пришли на мой концерт сегодня, понимаю, что это хорошие люди. Они пережили не самое легкое время. Но в душе у них еще есть способность переживать восторг, путешествовать в прошлое, любить... Если я сыграл в этом хоть какую-то роль — значит, мои сочинения действительно имеют отношение к искусству.

— Ну ладно. Спасибо вам. Простите, что утомил. — Всегда не утомили, я не устаю от концертов. Я питаюсь энергетикой зала, насыщаясь его любовью. Если бы вы выдержали еще три часа песен, за мной бы дело не стало.

...А теперь надо сказать спасибо всем, благодаря кому это интервью стало возможным. Это в первую очередь компания «Донской табак», которая организовала ростовский концерт Кутуньо. Журналист, директор радиостанции «Эхо Ростова» Александр Кулинский и главный редактор «Эха» Виктор Сергионов, благодаря которым на концерт попали мы. И журналистка телекомпании ДонТР Люся Бородина, которая в общем и не организовывала ничего, а просто посетовала на Кутуньо своими очень большими глазами из-за стеклянной двери — и он сказал через своего импресарио Гаидо, чтобы охрана нас к нему пропустила. Спасибо и Гаидо.

— Ну ладно. Спасибо вам. Простите, что утомил. — Всегда не утомили, я не устаю от концертов. Я питаюсь энергетикой зала, насыщаясь его любовью. Если бы вы выдержали еще три часа песен, за мной бы дело не стало.

...А теперь надо сказать спасибо всем, благодаря кому это интервью стало возможным. Это в первую очередь компания «Донской табак», которая организовала ростовский концерт Кутуньо. Журналист, директор радиостанции «Эхо Ростова» Александр Кулинский и главный редактор «Эха» Виктор Сергионов, благодаря которым на концерт попали мы. И журналистка телекомпании ДонТР Люся Бородина, которая в общем и не организовывала ничего, а просто посетовала на Кутуньо своими очень большими глазами из-за стеклянной двери — и он сказал через своего импресарио Гаидо, чтобы охрана нас к нему пропустила. Спасибо и Гаидо.

— Ну ладно. Спасибо вам. Простите, что утомил. — Всегда не утомили, я не устаю от концертов. Я питаюсь энергетикой зала, насыщаясь его любовью. Если бы вы выдержали еще три часа песен, за мной бы дело не стало.

...А теперь надо сказать спасибо всем, благодаря кому это интервью стало возможным. Это в первую очередь компания «Донской табак», которая организовала ростовский концерт Кутуньо. Журналист, директор радиостанции «Эхо Ростова» Александр Кулинский и главный редактор «Эха» Виктор Сергионов, благодаря которым на концерт попали мы. И журналистка телекомпании ДонТР Люся Бородина, которая в общем и не организовывала ничего, а просто посетовала на Кутуньо своими очень большими глазами из-за стеклянной двери — и он сказал через своего импресарио Гаидо, чтобы охрана нас к нему пропустила. Спасибо и Гаидо.

— Ну ладно. Спасибо вам. Простите, что утомил. — Всегда не утомили, я не устаю от концертов. Я питаюсь энергетикой зала, насыщаясь его любовью. Если бы вы выдержали еще три часа песен, за мной бы дело не стало.

...А теперь надо сказать спасибо всем, благодаря кому это интервью стало возможным. Это в первую очередь компания «Донской табак», которая организовала ростовский концерт Кутуньо. Журналист, директор радиостанции «Эхо Ростова» Александр Кулинский и главный редактор «Эха» Виктор Сергионов, благодаря которым на концерт попали мы. И журналистка телекомпании ДонТР Люся Бородина, которая в общем и не организовывала ничего, а просто посетовала на Кутуньо своими очень большими глазами из-за стеклянной двери — и он сказал через своего импресарио Гаидо, чтобы охрана нас к нему пропустила. Спасибо и Гаидо.

Женщина — всегда над вами, в окне